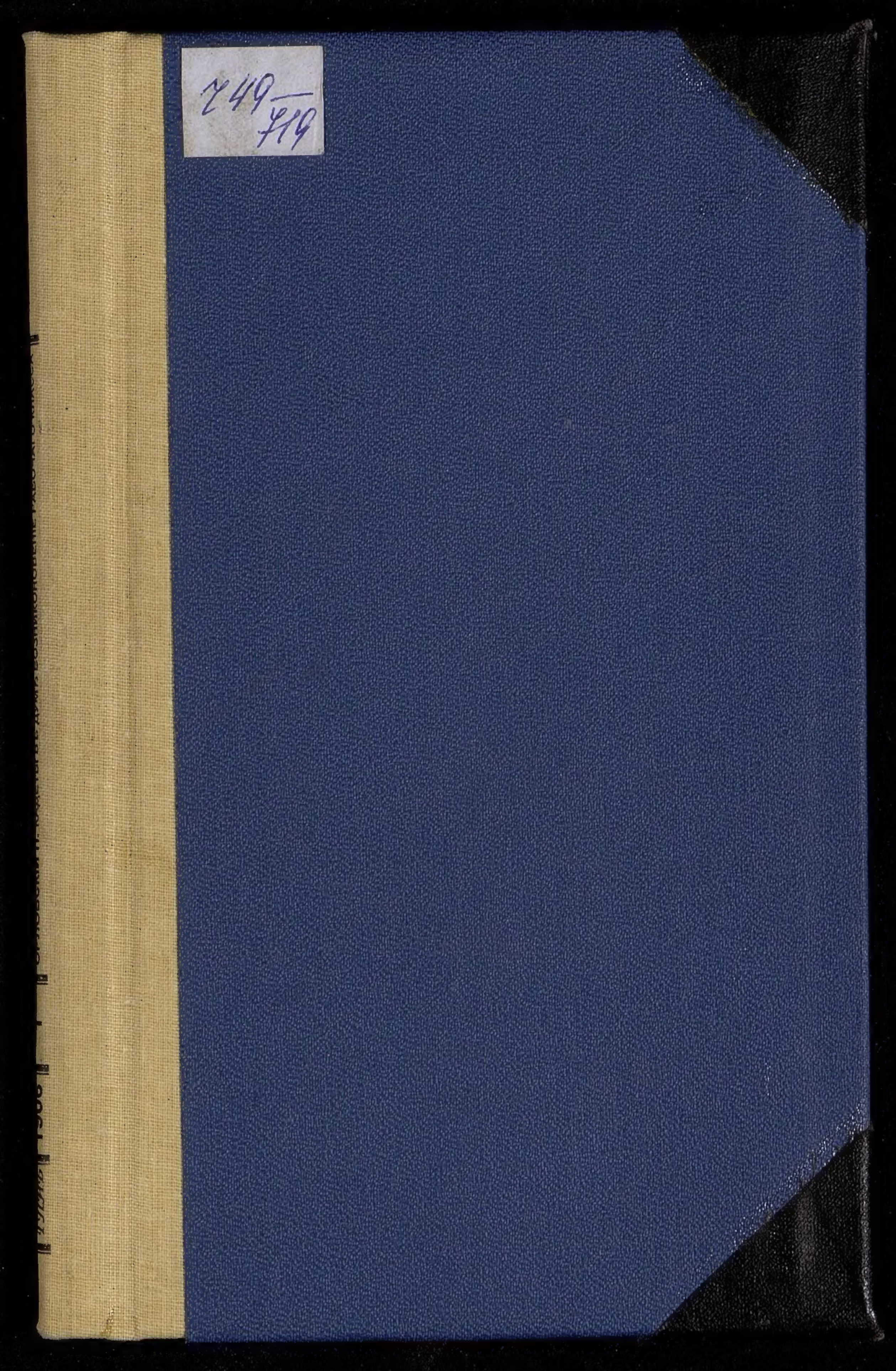

№ 1. „Библіотека нашихъ читателей". № 1.
Спб., Литейный, 60, кв. 9.

26 апрѣля 1906 года.

П. Орловскій.

КАДЕТЫ ВЪ ДУМѢ.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАССА.

Цѣна 7 коп.

№ 1. „Библіотека нашихъ читателей". № 1.

Спб., Литейный, 60, кв. 9.

26 апрѣля 1906 года.

П. Орловскій.

Кадеты въ Думѣ.

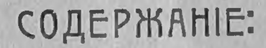
Возникновеніе рабочаго класса.

Цѣна 7 коп.

№ 1.

„Библіотека нашихъ читателей“.

25 апрѣля 1906 года.

Цѣна 7 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Спб., Литейный, 60, кв. 9.

На выборахъ въ Государственную Думу побѣждаютъ «кадеты»—либеральная буржуазія. Изъ поданныхъ уже голосовъ имъ досталась львиная доля, и можно надѣяться, что, когда выборы закончатся, у нихъ окажется громадное большинство въ Думѣ. За нихъ голосовали и землевладѣльцы, и горожане, и крестьяне, и даже рабочіе.

Эта побѣда кадетовъ приводитъ въ уныніе многихъ соціалдемократовъ, думающихъ, что теперь надолго восторжествуетъ и *программа* кадетской партіи. Правильно ли такое опасеніе? Означаетъ ли побѣда кадетовъ торжество ихъ программы? Нѣтъ. И чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на то, что огромное большинство избирателей, подававшихъ голоса за кадетовъ, не имѣетъ никакого представленія объ ихъ программѣ. Убѣжденный, послѣдовательный кадетъ долженъ бы плакать надъ такой побѣдой. Самое дорогое, что можетъ быть для партіи,—ея программа,—осталось въ сторонѣ. Избирателей привлекли только отдѣльныя положенія этой программы, общія и другимъ, болѣе «крайнимъ», партіямъ. А то, что составляетъ неотъемлемую особенность кадетской партіи, было оставлено совершенно безъ вниманія. Кадетовъ выбирали за кличку «народная свобода», которую навязала имъ кіевская полиція, да за требованіе учредительнаго собранія и всеобщаго

избирательнаго права. Отъ этого послѣдняго требованія кадеты долгое время уклонялись; жизнь заставила ихъ принять его подъ угрозой гибели ихъ партіи. Это требованіе и объединило избирателей вокругъ списка кадетскихъ кандидатовъ. А выставить это требованіе въ избирательной борьбѣ могли только кадеты. Изъ буржуазныхъ партій, добивающихся свободы, кадеты представляютъ самую сильную, пользующуюся наибольшимъ вліяніемъ. Другія либеральныя и радикальныя организаціи слишкомъ слабы и незначительны, чтобы взять на себя такую задачу. Партія же соціальдемократическая была совершенно лишена возможности участвовать въ избирательной борьбѣ. Законъ 11 декабря лишилъ ее этого права. Соціальдемократія состоитъ главнымъ образомъ изъ рабочихъ. Рабочіе же выбирали по особому закону, у себя въ мастерскихъ, и посылали въ губернскія или городскія избирательныя собранія лишь незначительное число выборщиковъ. Чтобы выдвинуть отъ своего имени общенародныя требованія и объединить вокругъ нихъ все населеніе, жаждущее свободы, соціальдемократія должна была во всѣхъ городскихъ и губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ выставить своихъ кандидатовъ. Мало того, она должна была вести продолжительную и усиленную агитацію, чтобы убѣдить избирателей, что ея требованія полнѣе всего соотвѣтствуютъ требованіямъ народа. Могли ли они все это сдѣлать? Прежде всего, изъ 51 губерніи Европейской Россіи выборщики отъ рабочихъ имѣлись только въ 44-хъ. Въ остальныхъ 7-ми рабочіе совершенно лишены избирательнаго права. Далѣе. Изъ этихъ 44-хъ губерній, въ 22-хъ имѣется только по одному или по два выборщика отъ рабочихъ, въ 12-ти—отъ трехъ до пяти выборщиковъ, и только въ десяти губерніяхъ ихъ свыше пяти человѣкъ. Если къ этому прибавить, что кандидатами въ Думу партія могла выставлять только опытныхъ, подготовленныхъ партійныхъ работниковъ, и что лучшіе кандидаты по боль-

шей части вообще не пользовались избирательнымъ правомъ, то ясно, что соціальдемократы могли выставить партійныхъ кандидатовъ лишь въ небольшемъ числѣ округовъ. Но и это выставленіе кандидатовъ было бы безполезно, такъ какъ соціальдемократамъ была запрещена выборная агитація. Агитировать разрѣшали только кадетамъ, союзу 17 октября, да правопорядцамъ. А безъ усиленной агитаціи соціальдемократическіе кандидаты могли бы пройти только въ нѣсколькихъ городахъ, гдѣ населеніе еще за прошлые мѣсяцы успѣло ознакомиться съ программой и требованіями соціальдемократической партіи. Что касается возможности выставленія соціальдемократическихъ кандидатовъ отъ городскихъ избирателей, то и здѣсь многаго нельзя было бы добиться, такъ какъ рабочихъ-квартиронанимателей не много, а еще меньше среди нихъ сознательныхъ, опытныхъ соціальдемократовъ, партійные же интеллигенты только въ рѣдкихъ случаяхъ пользуются избирательнымъ правомъ. Наконецъ, города, гдѣ возможно было бы выставить соціальдемократическихъ кандидатовъ отъ городскихъ избирателей, это все тѣ же города, гдѣ возможны и кандидатуры отъ рабочихъ. Такихъ избирательныхъ округовъ очень мало. Соціальдемократамъ не удалось бы объединить вокругъ думской кампаніи всѣхъ недовольныхъ. Они провели бы въ Думу десятокъ депутатовъ, которые по своей малочисленности были бы безсильны сыграть крупную политическую роль.

Такимъ образомъ только кадеты имѣли возможность при настоящихъ выборахъ выступить съ объединяющими требованіями. Восторжествовало, какъ мы указывали, это требованіе, а не программа кадетовъ. Не кадеты стали руководителями народа, а революціонный народъ воспользовался ими, какъ орудіемъ борьбы съ реакціей. Онъ выбралъ ихъ за выставленныя ими требованія и этимъ обязалъ ихъ осуществить эти требованія. Но смогутъ ли кадеты ихъ осуществить, смогутъ ли они удержаться на высотѣ задачи?

Во всѣхъ революціяхъ, происходившихъ за послѣднія сто-двѣсти лѣтъ, противъ устарѣвшаго государственнаго порядка боролся обыкновенно не одинъ какой нибудь классъ общества, а всѣ безправные классы. Имущественные и политическіе интересы этихъ классовъ были различны, каждый изъ нихъ имѣлъ свои запросы, которые могли удовлетворить его вполнѣ, каждый стремился осуществить эти запросы, каждый дѣлалъ *свою* революцію. Эти различные интересы сталкивались и между собою, и съ интересами реакціи, и въ концѣ концовъ получалось нѣчто среднее, нѣкая равнодѣйствующая. Эта равнодѣйствующая ближе всего подходила къ интересамъ того класса, который и въ хозяйственномъ и въ политическомъ отношеніи болѣе всего созрѣлъ для принятія власти въ государствѣ. Такъ, напримѣръ, во время Великой Французской Революціи власть переходила неоднократно изъ рукъ одного класса въ руки другого, но когда улеглась революціонная буря, у кормила правленія оказалась крупная буржуазія, такъ какъ степень развитія общества дѣлала ее политически самымъ зрѣлымъ классомъ. Равнодѣйствующая линія пошла, слѣдовательно, ближе всего къ интересамъ крупнаго капитала. Въ капиталистическомъ обществѣ крупная буржуазія раньше всего созрѣваетъ для руководящей общественной дѣятельности; по мѣрѣ развитія капителизма начинаютъ сознательно относиться къ политической борьбѣ мелко-буржуазныя силы и пролетаріатъ. Такъ во Франціи мелкая буржуазія завоевала себѣ въ 1848 г. право участія въ государственной жизни. Рабочій классъ тоже начинаетъ играть большую роль въ жизни общества, все болѣе сознательно и самостоятельно проводитъ въ жизнь свои требованія. Въ Германіи, напримѣръ, и въ парламентѣ и внѣ его соціальдемократія представляетъ одну изъ самыхъ крупныхъ партій. Интересы широкихъ народныхъ массъ выступаютъ все опредѣленнѣе и рѣзче, и средняя, равнодѣйствующая линія общественныхъ силъ

передвигается все больше влѣво, въ сторону «крайнихъ» теченій.

Въ настоящее время въ Россіи совершается то же самое, что мы отмѣчали только что въ Западной Европѣ, только въ болѣе рѣзкихъ формахъ. Въ русской революціи борятся противъ стараго порядка тоже разнообразные классы общества: крупная и средняя буржуазія, мелкая буржуазія, крестьянство, пролетаріатъ. Россія уже давно сдѣлалась страной капиталистической. Капиталъ сталъ въ ней господствующей силой, буржуазія—хозяиномъ всей промышленной жизни страны. Хотя капиталисты и не пользовались политической властью, все же хозяйственные интересы ихъ удовлетворялись въ достаточной степени, и чѣмъ крупнѣе былъ капиталъ, тѣмъ полнѣе удовлетворялись его интересы. Такимъ образомъ получилось, что чѣмъ богаче былъ данный классъ, чѣмъ большей свободой и властью онъ пользовался, тѣмъ меньше ему оставалось завоевывать. Поэтому требованія различныхъ классовъ, борющихся противъ стараго строя, тѣмъ умѣреннѣе, чѣмъ богаче самый классъ. Самыхъ глубокихъ коренныхъ преобразованій добиваются самые бѣдные классы—крестьянство и пролетаріатъ. Но въ современной Россіи эти два класса общества, особенно пролетаріатъ, обладаютъ высокой степенью сознательности, пониманіемъ своихъ интересовъ и противоположности ихъ интересамъ буржуазіи. Благодаря этому, равнодѣйствующая общественныхъ силъ въ переживаемый моментъ идетъ въ Россіи ближе къ интересамъ народныхъ массъ, чѣмъ къ интересамъ крупной буржуазіи. Это особенно рѣзко сказалось при выборахъ въ Государственную Думу въ Москвѣ, гдѣ мелко буржуазные избиратели подавали голоса за кадетовъ, желая этимъ выразить свой протестъ противъ крупной буржуазіи. Они не подозрѣвали только, что сами кадеты ближе къ крупному капиталу, чѣмъ къ народной массѣ.

Линія интересовъ русской революціи идетъ ближе

къ потребностямъ народной массы, чѣмъ къ потребностямъ капитала. А въ какомъ направленіи идетъ линія интересовъ кадетской партіи? Чтобы понять это, необходимо присмотрѣться къ составу этой партіи. Кадетская партія состоитъ изъ двухъ общественныхъ группъ: изъ либеральныхъ капиталистовъ—землевладѣльцевъ и промышленниковъ, и изъ либеральной интеллигенціи. Либеральные капиталисты, интересамъ которыхъ ненужна и невыгодна опека стараго самодержавнаго порядка, стремятся къ водворенію въ Россіи конституціоннаго порядка по западно-европейскому образцу. Они опираются на капиталъ, но капиталъ, очищенный отъ хищничества и злоупотребленій капиталистическихъ правопорядцевъ. Они мечтаютъ о власти просвѣщеннаго капитализма, о такомъ строѣ, при которомъ все будетъ хорошо и справедливо: капиталисты будутъ получать «справедливую» прибыль, рабочій—«справедливую» заработную плату, землевладѣлецъ—«справедливую» ренту. Конечно, такой строй, несмотря на всѣ медовыя рѣчи, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ интересамъ пролетаріата или современнаго крестьянства. Власть капитала остается при немъ по прежнему, а красивыя слова только прикрываютъ эту власть и затемняютъ сознаніе массы. Вотъ сущность либеральнаго капитализма. Либеральная интеллигенція отстаиваетъ такой порядокъ и сердито нападаетъ на тѣхъ, кто разоблачаетъ его дѣйствительное значеніе. Кадетская партія есть, слѣдовательно, партія капиталистическая, буржуазная, интересы которой не совмѣстимы съ интересами пролетаріата и остальной малоимущей массы.

Мы видѣли уже выше, что средняя линія, господствующее настроеніе въ переживаемомъ Россіей революціонномъ движеніи идетъ ближе къ интересамъ народныхъ массъ, расходится съ узкими интересами крупнаго капитала. Это настроеніе выдвинуло кадетовъ на первое мѣсто въ думскихъ выборахъ. Не за то оно выдвинуло ихъ, что ихъ партія буржуазная, ка-

питалистическая,—это сами кадеты стараются скрыть,—а за то, что они выставили требованія «народной свободы», учредительнаго собранія и всеобщаго избирательнаго права. Эти требованія совпадаютъ съ равнодѣйствующей революціоннаго движенія, классовые же интересы въ этой равнодѣйствующей расходятся. Такимъ образомъ, временная политическая роль кадетовъ не совмѣщается съ ихъ общественной ролью, какъ класса. Требованія общества, представлять которыя выпало на долю кадетамъ, сталкиваются съ ихъ насущными классовыми интересами.

Интересы общества требуютъ коренного переустройства всего государственнаго и общественнаго порядка на началахъ народовластія (демократизма); они требуютъ такой формы правленія, которая полнѣе всего соотвѣтствовала бы потребностямъ широкихъ слоевъ населенія. Классовые интересы кадетовъ требуютъ господства просвѣщеннаго, «культурнаго» класса капиталистовъ; имъ полнѣе всего соотвѣтствуетъ ограниченная, конституціонная монархія. Интересы общества требуютъ привлеченія къ государственной жизни всего населенія черезъ посредство его выборныхъ; они требуютъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Классовые интересы кадетовъ не довѣряютъ «некультурной», «политически неразвитой массѣ»; они требуютъ избирательнаго ценза, или, по крайней мѣрѣ, многостепеннаго и косвеннаго голосованія: для нихъ предпочтительнѣе и двухпалатная система. Поэтому кадеты такъ неохотно, подъ давленіемъ необходимости, приняли въ свою программу всееобщее избирательное право; вопросъ объ одной или двухъ палатахъ такъ и остался у нихъ открытымъ. Интересы общества требуютъ передачи матеріальной силы въ руки самого общества; интересы кадетовъ требуютъ только присяги войска на вѣрность конституціи. Интересы общества требуютъ борьбы, интересы кадетовъ требуютъ соглашенія, сдѣлки. Эти два противорѣчивыхъ рода требованій сталкиваются

теперь въ душѣ кадетской партіи. Которое изъ нихъ возьметъ верхъ? Съумѣютъ ли кадеты отрѣшиться отъ узкихъ интересовъ своего класса и всецѣло стать на точку зрѣнія интересовъ народа, пойти по равнодѣйствующей линіи революціи? Или же обаяніе власти увлечетъ ихъ въ область «общественнаго строительства», «положительной» работы, т. е. въ сторону осуществленія насущныхъ интересовъ своего класса? Исторія открыла передъ кадетами рѣдкую возможность сыграть крупную общественную роль, явиться руководителями всего освободительнаго движенія, перетянуть чашку вѣсовъ на сторону народа.

Линія народныхъ интересовъ отвергаетъ возможность и допустимость какой бы то ни было положительной работы, прежде чѣмъ не будетъ осуществлена необходимая предпосылка такой работы: созданіе дѣйствительнаго народнаго представительства. Дума, выбранная только частью населенія, не можетъ, не расходясь съ народными интересами, предпринимать какое бы то ни было «творчество»; она имѣетъ только одну довѣренность отъ избирателей—добиваться всеобщаго избирательнаго права и учредительнаго собранія. Только предъявивъ это требованіе и отказавшись отъ какой бы то ни было «созидательной» работы, кадеты смогутъ удержаться на той линіи, на которую поставили ихъ думскіе выборы. Смогутъ ли они это сдѣлать? Есть уже признаки, говорящіе за то, что *не* смогутъ. Уже въ первые дни послѣ побѣды кадетская пресса (напр., «Рѣчь») начала очень рѣзко выступать противъ «непрошенныхъ совѣтчиковъ» справа и слѣва, указывавшихъ кадетамъ, какъ они должны поступать въ Думѣ. Этотъ тонъ выдаетъ настроеніе руководящихъ кадетовъ. Если они обрушиваются на «совѣтчикоъ справа»—то это въ порядкѣ вещей. Съ той стороны могутъ итти только реакціонныя вѣянія. Но гнѣвъ на «совѣтчиковъ слѣва» весьма подозрителенъ. Вѣдь кадеты берутся защищать интересы всего безправнаго общества, вѣдь они обязались

добиваться «народной свободы». А всѣ, кто стоитъ «слѣва» отъ кадетовъ, въ гораздо большей мѣрѣ «народъ», чѣмъ сами кадеты. Если бы кадеты дѣйствительно думали о «народной свободѣ» и хотѣли искренне ее отстаивать, они должны были бы итти на встрѣчу всѣмъ «совѣтчикамъ слѣва», должны были бы искать съ ними общенія. Ихъ гнѣвъ и негодованіе на «непрошенныхъ совѣтчиковъ» выдаетъ только ихъ съ головой, доказываетъ, что они намѣрены добиваться не той народной свободы, которая нужна народу, а той, которая выгодна имъ, кадетамъ, либеральной буржуазіи.

Съѣздъ кадетской партіи долженъ установить образъ дѣйствія кадетовъ въ Думѣ. Этотъ съѣздъ сразу раскроетъ, вѣроятно, карты, разрѣшивъ основной вопросъ: заниматься ли въ Думѣ «положительной» работой, или же требовать созыва учредительнаго собранія. Но уже теперь въ руководящихъ кругахъ кадетской партіи сказывается наклонность приступить къ положительной работѣ. Правда, пока еще никто не рѣшается открыто призывать къ мирной дѣятельности на основаніи законовъ о Думѣ, но за то выдвигаютъ нѣкоторые вопросы, не разрѣшить которыхъ кадетамъ якобы никакъ нельзя. И прежде всего поземельный или крестьянскій вопросъ. Вопросъ этотъ, говорятъ кадеты, не терпитъ отлагательствъ; его необходимо будетъ разрѣшить прежде всего, въ первую голову, изъ-за него можно потерпѣть даже эту скверную Думу; ну а потомъ, когда мы разрѣшимъ этотъ больной вопросъ, тогда мы заговоримъ иначе.

Если это не обманъ, то это непростительнѣйшій самообманъ. Именно крестьянскій вопросъ опаснѣе всего браться разрѣшать въ кадетской Думѣ, выбранной частью населенія. Начать разрѣшать его въ этой Думѣ, значитъ вступить на наклонную—и очень скользкую—плоскость «положительной» работы... надъ погребеніемъ освободительнаго движенія. Разрѣшать крестьянскій вопросъ—значитъ признать Думу дѣ-

способной вообще, ибо разъ она можетъ разрѣшить одинъ вопросъ, почему бы не могла разрѣшать и другіе? Разрѣшить этотъ вопросъ въ Думѣ—значитъ задушить революцію. Крестьянское неустройство представляетъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ и больныхъ вопросовъ переживаемаго переворота. Это не только вопросъ *крестьянскій*, устроенія крестьянъ, это вопросъ въ широкомъ смыслѣ слова земельный, вопросъ о формахъ землевладѣнія и хозяйства, а, слѣдовательно, и вопросъ о всемъ хозяйственномъ развитіи Россіи. *Разрѣшить* этотъ вопросъ можно только путемъ основного переворота въ поземельныхъ отношеніяхъ, а такой основной переворотъ можетъ быть совершенъ только тѣмъ классомъ, насущные интересы котораго требуютъ этого преобразованія. Предполагать, что такая Дума сможетъ разрѣшить поземельный вопросъ путемъ мирныхъ бесѣдъ съ реакціей, не вызывая самой отчаянной борьбы—борьбы, конечно, не словесной—значитъ либо не понимать всей глубины этого вопроса, либо сонательно закрывать на него глаза. Такіе вопросы не разрѣшаются думскими пререканіями съ министрами. Правда, Дума можетъ изобрѣсти какую нибудь полумѣру, какое нибудь знахарское средство, которое, конечно, не разрѣшитъ вопроса, но на время зажметъ рты изголодавшемуся крестьянству и такимъ образомъ отсрочитъ вопросъ. Но въ этомъ и кроется вся глубокая опасность для освободительнаго движенія. Успокоить на время недовольное крестьянство, не разрѣшая кореннымъ образомъ земельнаго вопроса, дать крестьянамъ копѣйку за рубль,—значитъ подрубить корни освободительнаго движенія, размѣнять революцію на мелочи. Кадетская Дума, которая пошла бы на эту приманку реакціи, подпилила бы, подобно цыгану изъ сказки, тотъ самый сукъ, на которомъ она сидитъ; она обезкровила бы то революціонное настроеніе, которое ввело кадетовъ въ Думу. Но, можетъ быть, это именно подсказывается классовыми интересами кадетовъ?

Капиталъ отличается удивительной гибкостью и приспособляемостью. Когда его угнетаютъ, онъ способенъ сдѣлаться самымъ краснымъ революціонеромъ. Когда онъ почувствуетъ въ своихъ рукахъ власть, онъ становится ярымъ охранителемъ. И никакія красивыя слова, никакія пылкія рѣчи о свободѣ, равенствѣ, борьбѣ за идеалъ, не въ силахъ противостоять интересамъ капитала. Кадеты передъ выборами и кадеты въ думѣ—это два разныхъ лица. Тогда они были либеральной партіей, обижаемой начальствомъ, не имѣющей права и власти,—и они мечтали о «народной свободѣ», разсуждали о всеобщемъ избирательномъ правѣ, грозили учредительнымъ собраніемъ. Теперь картина измѣнилась. У нихъ въ рукахъ большинство Думы, они сила, съ которой приходится считаться начальству, они могутъ говорить съ правительствомъ, какъ равный съ равнымъ. Положеніе мѣняетъ взгляды людей. И скоро мы услышимъ, вѣроятно, что всеобщее избирательное право въ Россіи не примѣнимо, что учредительное собраніе совершенно излишне, что народная свобода на дѣлѣ уже осуществлена. Почуявъ власть, кадеты съ стихійной неизбѣжностью будутъ перемѣщаться съ точки зрѣнія «народной свободы» на точку зрѣнія своихъ классовыхъ интересовъ, перейдутъ отъ требованій учредительнаго собранія къ «положительной» работѣ въ трогательномъ единеніи съ министерствомъ Витте, сдобреннымъ 50-ю процентами кадетскихъ министровъ. Если внѣ Думы не произойдутъ событія, видоизмѣняющія соотношеніе силъ, измѣна кадетовъ тѣмъ требованіямъ, за которыя ихъ выбирали, неизбѣжна.

Передавая свои полномочія партіи кадетовъ—болѣе умѣренной, чѣмъ масса избирателей—эти избиратели дѣлали, конечно, рискованный шагъ. Они поступили бы правильнѣе, если-бы совершенно не участвовали въ выборахъ, какъ это сдѣлали многіе рабочіе, и такимъ образомъ заявили свой протестъ противъ подобной Думы. Но широкимъ кругамъ мелко-

буржуазныхъ избирателей такая форма протеста оказалась непосильной: у нихъ не было организованности и дисциплины, свойственной пролетаріату. Однако, если отвлечься отъ идеи бойкота, нужно признать, что *такой* исходъ выборовъ лучше всякаго другого: онъ ускоряетъ развязку, ставя передъ кадетами вопросъ ребромъ—ликвидація революціи или ея укрѣпленіе. Если они выберутъ первое и останутся въ Думѣ для «положительной» работы, революція отвернется отъ либеральной Думы, какъ отвернулось бы отъ черносотенной. Если они рѣшатся на второе и выступятъ, какъ поборники требованій народа, они дадутъ новый толчекъ развитію революціи, двинутъ ее впередъ, хотя это движеніе въ первую же голову поглотитъ ихъ, кадетовъ. Но и въ томъ и другомъ случаѣ избиратели, давшіе свои полномочія кадетамъ, сдѣлали бы крупную политическую ошибку, если бы они ограничились подачей голосовъ, если-бы они думали, что передавъ эти полномочія думцамъ, они свершили все земное. Такое отношеніе было бы непростительной ошибкой. Выборомъ депутатовъ не закончился гражданскій долгъ избирателей, а только начался. Ибо съ точки зрѣнія «народной свободы» настоящая Дума является не народнымъ представительствомъ, мирно разрѣшающимъ всѣ вопросы законодательства и управленія, а орудіемъ борьбы за народное представительство. Чтобы Дума исполнила свое назначеніе, а еще больше, чтобы народные интересы не были проторгованы въ случаѣ измѣны кадетовъ, необходимъ неослабный постоянный надзоръ избирателей за ихъ довѣренными. Избиратели и не-избиратели должны готовиться къ двумъ вѣроятностямъ: или Дума будетъ разогнана, и имъ придется защищать свои попранныя права и сплачиваться для новаго рѣшительнаго протеста; или—Дума обманетъ ихъ надежды, и имъ придется итти мимо Думы къ осуществленію своихъ требованій. И когда кадеты вступятъ въ сдѣлку съ гр. Витте, тогда окончательно рушится вѣра въ

народолюбіе либеральной буржуазіи, въ ся готовность защищать «народную свободу». Роль кадетовъ будетъ оцѣнена по достоинству, и руководство освободительнымъ движеніемъ народа, непосильное для кадетовъ, перейдетъ всецѣло къ «крайнимъ» партіямъ и, главнымъ образомъ, къ соціальдемократіи.

Соціальдемократія не принимала участія въ выборахъ. Она была лишена возможности развить должную агитацію и добиться въ Думѣ представительства, отвѣчающаго ея дѣйствительному значенію въ общественной жизни. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что она должна безразлично относиться къ Думѣ. Пока что, на Думѣ будетъ сосредоточено главное вниманіе народа. Она можетъ явиться, по крайней мѣрѣ, на первое время, орудіемъ освободительной борьбы. И задача соціальдемократіи, какъ организованнаго авангарда рабочаго класса, поддерживать либеральную Думу во всякомъ проявленіи дѣйствительной борьбы со старымъ порядкомъ,—разоблачать каждый ложный шагъ кадетовъ, каждое уклоненіе отъ линіи народныхъ интересовъ. Программа соціальдемократической партіи говоритъ, что эта партія поддерживаетъ всякое революціонное или только оппозиціонное движеніе буржуазіи, направленое противъ существующаго полицейско-бюрократическаго строя. Но революціонное или оппозиціонное движеніе выражается цѣлымъ рядомъ поступковъ, изъ которыхъ одни могутъ имѣть дѣйствительно революціонное значеніе, другіе же значеніе реакціонное. Поэтому и поддержка соціальдемократіи относится не къ движенію въ цѣломъ, а къ его конкретнымъ проявленіямъ. Каждый шагъ дѣйствительной борьбы—революціонной или оппозиціонной—долженъ быть поддержанъ соціальдемократіей. Каждый реакціонный шагъ долженъ быть заклейменъ. Разоблаченіе должно быть важнѣйшимъ подспорьемъ поддержки. Разоблачая каждый невѣрный шагъ буржуазіи, раскрывая половинчатость и нерѣшительность ея требованій, соціаль-

демократія способствуетъ проясненію сознательности массъ, въ частности пролетаріата, и въ то же время вынуждаетъ буржуазію къ болѣе открытымъ и прямымъ дѣйствіямъ—поскольку буржуазія вообще намѣрена дѣйствовать послѣдовательно и искренно. Разоблаченіе и поддержка, выясняя дѣйствительныя задачи широкихъ народныхъ массъ, очищая ихъ стремленія отъ реакціонныхъ наслоеній, подсказывая имъ вѣрные пути, способствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сплоченію этихъ массъ. А при сплоченности, сознательности и боевой готовности народныхъ массъ одинаково мало опасны и гоненія на кадетскую Думу со стороны реакціи, и измѣна кадетовъ въ Думѣ дѣлу «народной свободы».

Возникновеніе рабочаго класса.

Лѣтъ сто тому назадъ Россія представляла совсѣмъ другое зрѣлище, чѣмъ теперь. Подавляющее большинство населенія жило земледѣліемъ и сельскохозяйственными промыслами. И главныя сословія Россіи были сословія земледѣльческія—дворяне и крестьяне. Дворяне были хозяевами всей страны, они занимали всѣ главныя должности на военной службѣ и въ государственномъ управленіи, они владѣли всей землей, и своей, и крестьянской, они могли распоряжаться судьбой крестьянина, его семейства и его имущества. Крестьянинъ былъ крѣпостнымъ. Онъ составлялъ полную собственность своего господина—«крещеную собственность», какъ тогда говаривали. Онъ долженъ былъ работать на барина или платить оброкъ, и самъ же долженъ былъ содержать себя, свою семью и скотину. Все, что нужно было для жизни и для веденія хозяйства, производилось у себя дома: хлѣбъ, мясо, ткани, кожевенный товаръ и т. п. Покупали на сторонѣ только то, чего нельзя было добыть у себя въ хозяйствѣ, или же предметы роскоши. Хозяйство было главнымъ образомъ натуральное, т. е. крестьяне сами же производили то, что потребляли. Деньги были рѣдки. Онѣ попадали въ хозяйство неправильно, отъ продажи избытковъ; шли они на уплату податей

на покупку тѣхъ предметовъ, которыхъ нельзя было приготовить самому, либо прятались про черный день въ копилку.

Понятно, что при такомъ хозяйствѣ промышленность и торговля могли развиваться очень туго. Еще торговля легче могла существовать, ибо не мало предметовъ, изготовлявшихся въ избыткѣ, шло на продажу и въ самой странѣ и заграницу. Помѣщики продавали хлѣбъ, ленъ, веревки, сало, деготь и другой товаръ, чтобы на полученныя деньги выписывать изъ заграницы предметы искусства и роскоши, рѣдкія ткани, дорогія вина и т. п. Съ промышленностью же дѣло обстояло хуже. Она могла развиваться только въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя были недоступны помѣщичье-крестьянскому хозяйству. Такъ, напримѣръ, одной изъ первыхъ развилась желѣзодѣлательная промышленность, рано начало развиваться также и суконное производство, отчасти и шелковое. Дѣло въ томъ, что при полномъ господствѣ натуральнаго хозяйства въ Россіи создался крупный внутренній рынокъ для промышленности въ видѣ государственныхъ учрежденій, главнымъ образомъ, арміи и флота, требовавшихъ громадныхъ количествъ желѣза, тканей и другихъ предметовъ. Этотъ массовый спросъ поощрялъ и массовое производство. Съ другой стороны, развивавшееся городское населеніе, все болѣе утрачивавшее связь съ землей, а, слѣдовательно, и съ сельско-хозяйственной промышленностью, создавало рынокъ для крупнаго сбыта производствъ фабрикъ и заводовъ (особенно такіе населенные города, какъ Москва и С.-Петербургъ). Наконецъ, внѣшняя торговля (въ 1801 г. она превышаетъ 45 милліоновъ рублей золотомъ) все болѣе поощряла предпріимчивыхъ людей заводить фабрики и вести массовое производство предметовъ вывоза.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что уже въ нѣдрахъ стараго сословно-земледѣльческаго строя, основаннаго на крѣпостной неволѣ производителя и на-

туральномъ хозяйствѣ, возникъ зародышъ фабрично-заводской промышленности. Однако, положенiе этой промышленности было затруднительно. Для массового производства нуженъ былъ обезпеченный массовый сбытъ, а между тѣмъ рынокъ расширялся очень медленно. Заграничные товары, болѣе совершенные и болѣе дешевые, грозили убить молодую промышленность. Главное же затрудненiе представлялъ вопросъ о рабочихъ. Свободныхъ рабочихъ людей не было. Изъ сословiй, живущихъ трудомъ рукъ своихъ, —мѣщане занимались ремесломъ, либо торговлей, и не имѣли желанiя итти въ фабричную кабалу; крестьяне же составляли полную собственность своихъ господъ. Они были закрѣпощены за государствомъ или за помѣщиками и не могли располагать собою. При такихъ условiяхъ, развитiе и даже самое существованiе промышленности было бы невозможнымъ, если бы на помощь ей не пришло государство.

Мы уже видѣли, что государство являлось однимъ изъ главныхъ и самыхъ крупныхъ покупателей фабрично-заводскихъ издѣлiй. Оно и поддерживало промышленность всѣми мѣрами. Еще со временъ Петра Перваго правительство оказывало промышленникамъ разныя льготы. Имъ ссужали безъ процентовъ казенныя, т. е. народныя, деньги, ихъ освобождали отъ пошлинъ и повинностей, имъ разрѣшали безпошлинный привозъ изъ-заграницы машинъ и инструментовъ, посылали на народныя же деньги мастеровъ за-границу обучаться ремесламъ, наконецъ—ввели таможенныя пошлины, чтобы оградить русскiя издѣлiя отъ конкурренцiи болѣе дешевыхъ издѣлiй заграничныхъ. Но этимъ не ограничились заботы правительства о промышленникахъ. Главнымъ больнымъ мѣстомъ промышленности былъ рабочiй вопросъ. И вотъ правительство начало всѣми средствами облегчать фабрикантамъ и заводчикамъ возможность заполучить рабочiя руки. Такъ, напримѣръ, правительство предлагало брать на фабрики въ качествѣ учениковъ «убо-

гихъ людей» или «бѣдныхъ малолѣтнихъ, которые ходятъ по городу и просятъ милостыню». Далѣе, напримѣръ, однимъ изъ указовъ было предписано посылать на постоянныя фабрики «бабъ и дѣвокъ, которыя, будучи на Москвѣ изъ приказовъ, также и изъ другихъ губерній, по дѣламъ за вины свои наказаны». Такимъ образомъ, мы видимъ, что однимъ изъ первыхъ источниковъ, откуда буржуазія черпала рабочія силы, были низшіе слои городского пролетаріата, нищіе, преступники и т. п. (то же было и на Западѣ). Къ этому присоединялся и другой разрядъ пролетаріевъ —бѣглые крѣпостные, скрывавшіеся отъ своихъ господъ и находившіе пріютъ на фабрикахъ и заводахъ. Однимъ изъ указовъ запрещалось законнымъ владѣльцамъ требовать обратно мастеровъ и учениковъ, «чьи бы они ни были, хотя бы и бѣглые явятся».

Но, понятно, однихъ этихъ людей было недостаточно, чтобы покрыть потребность въ рабочихъ рукахъ. Еще полтораста лѣтъ тому назадъ число фабричныхъ рабочихъ въ Россіи превышало только 35000. Нужно было позаботиться о болѣе крупныхъ источникахъ рабочей силы. И вотъ правительство, съ одной стороны, начало разрѣшать «купецкимъ людямъ» покупать цѣлыя деревни крестьянъ, съ другой стороны, начало приписывать къ фабрикамъ и заводамъ государственныхъ крестьянъ. Кромѣ того, составъ фабрично-заводскихъ рабочихъ пополнялся тѣми мелкими ремесленниками, которые не могли выдержать конкурренціи съ крупной промышленностью и, разорившись, переходили въ разрядъ наемныхъ рабочихъ.

Съ другой стороны, и въ земледѣліи стали совершаться перемѣны. Крѣпостное право не могло удержать крестьянъ отъ раздѣленія на бѣдныхъ и богатыхъ. У бѣднаго все изъ рукъ валится. И самъ онъ, и семья его малосильны, потому что не доѣдаютъ, не доѣдаетъ и скотина, истощается и земля безъ навоза; въ концѣ концовъ оказывается, что не можетъ онъ управиться съ хозяйствомъ и съ барщиной, и

приходится ему проситься въ городъ на заработки за оброкъ барину. Переходъ на оброкъ скоро сталъ выгоденъ и самимъ помѣщикамъ, потому что оброчные крестьяне, занимаясь въ городѣ мастерствомъ или работая на фабрикѣ, были новымъ источникомъ дохода для помѣщиковъ, снабжая ихъ денежными средствами, тогда какъ, живя въ деревнѣ и занимаясь земледѣлiемъ, крѣпостной могъ отбывать свою повинность только натурой. И потянули толпы безхозяйныхъ крестьянъ въ городъ на заработки, и многiе изъ нихъ попали на фабрики и заводы. Такъ хозяйственное развитiе страны, порождая крупную фабричную и заводскую промышленность, создавало необходимые для нея источники рабочей силы.

Развитiе крупной промышленности, перемѣны въ сельскомъ хозяйствѣ, на которыя мы указывали, наконецъ, все растущiя денежныя потребности государства, которыя не могли удовлетворяться при господствѣ натурально-крѣпостническаго хозяйства,—все это привело къ необходимости отмѣны крѣпостного права и освобожденiя крестьянъ. Крестьяне оказались лично свободными, по крайней мѣрѣ, свободными отъ власти помѣщиковъ. Ихъ очень скудно надѣлили землею, обременивъ эту землю высокими налогами и громадными выкупными платежами. Съ другой стороны, промышленность была тоже освобождена отъ связывавшихъ ее путъ. Теперь открывать фабрики и заводы могъ всякiй, у кого былъ капиталъ, наниматься на фабрику тоже могъ всякiй, не спрашивая никакихъ помѣщиковъ, никакихъ господъ. Промышленность освободилась и начала быстро развиваться и расти. А такъ называемое надѣленiе крестьянъ землей произведено было такимъ образомъ, чтобы «освободилось» возможно больше безхозяйныхъ и безземельныхъ крестьянъ для надобности промышленности. Уже вскорѣ послѣ освобожденiя крестьянъ оказалось, что прокормиться отъ земли всѣмъ крестьянамъ невозможно. Но чѣмъ дальше, тѣмъ было хуже. Пла-

тежи и налоги поглощали львиную долю крестьянскихъ доходовъ; приходилось истощать и себя, и скотину, и землю. Но земля отвѣчала на это цѣлыми годами неурожаевъ; истощенная скотина падала, а истощенному мужику оставалось только бросить голодную землю и итти на фабрику. Промышленность быстро росла, поглощая сотни тысячъ рабочихъ рукъ и привлекая другія сотни тысячъ въ запасную армію труда, а деревня спѣшила опередить требованія промышленности, выгоняя крестьянъ цѣлыми толпами на фабрики, на заводы, на промыслы.

Многіе изъ этихъ крестьянъ-рабочихъ уходятъ изъ деревень только на время, на нѣсколько мѣсяцевъ работы, но многіе уходятъ навсегда, превращаются въ постоянныхъ, профессіональныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ, зарождается особый разрядъ населенія—рабочій классъ.

Въ настоящее время, когда крупная промышленность существуетъ въ Россіи уже цѣлыя десятилѣтія, имѣется не мало такихъ рабочихъ, которые и родились рабочими. Ихъ отцы уже были фабричными или заводскими рабочими, нерѣдко и матери работали на фабрикѣ. Сами они родились въ рабочей семьѣ, съ дѣтства не видѣли полей и лѣсовъ, выросли въ душной рабочей казармѣ, воспитались подъ стукъ машины. Это уже настоящія дѣти рабочаго класса, чистокровные рабочіе; они уже съ дѣтства сами работаютъ на фабрикѣ, уже съ юныхъ лѣтъ тянетъ изъ нихъ барыши капиталъ. Но если мы присмотримся къ тому, какъ создавался рабочій классъ, изъ кого онъ составлялся въ то время, когда не было еще рабочихъ по рожденію, то мы увидимъ, что составлялся онъ изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія: тутъ и потомки тѣхъ нищихъ и преступниковъ, которыхъ въ старое время палками загоняли на фабрики, тутъ и разорившіеся ремесленники, тутъ и обезземеленные крестьяне, тутъ и дворовая прислуга, оставшаяся безъ крова и заработка, тутъ и бывшіе крѣпост-

ные мастеровые. Изъ разныхъ слоевъ населенія, изъ разныхъ сословій набираются лица, составляющія рабочій классъ, и, когда они сходятся вмѣстѣ, у всѣхъ ихъ есть только одно общее свойство: всѣ они лишены возможности самостоятельно зарабатывать кусокъ хлѣба, всѣ они лишены тѣхъ орудій производства, безъ которыхъ нельзя вести своего самостоятельнаго хозяйства. Ремесленникъ безъ мастерской, крестьянинъ безъ земли, огородникъ безъ огорода—всѣ они превращаются въ *пролетаріевъ*. Оставляя за порогомъ фабрики свое прошлое, они утрачиваютъ связь съ тѣми сословіями, изъ которыхъ вышли, и образуютъ новый общественный слой—*рабочій классъ* или *пролетаріатъ*.

Не имѣя ничего, кромѣ своей рабочей силы, которую онъ вынужденъ продавать, чтобы имѣть возможность прокормить себя и семью,—пролетарій является прямой противоположностью и прямымъ противникомъ представителей буржуазіи, т. е. тѣхъ самыхъ владѣльцевъ фабрикъ, заводовъ, рудниковъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д., которые собрали въ своихъ рукахъ почти всѣ средства производства и при ихъ помощи добываютъ громадные доходы изъ труда рабочихъ. Такимъ образомъ, рабочій классъ, какъ цѣлое, противостоитъ классу буржуазіи, отъ котораго его отдѣляетъ непримиримая рознь интересовъ, и эта враждебность по отношенію къ буржуазіи является однимъ изъ могучихъ средствъ сплоченія пролетаріата.

Однако, не одна только враждебность къ буржуазіи объединяетъ отдѣльныхъ рабочихъ въ сплоченный классъ. Борьба съ капиталистами является той тяжелой школою жизни, въ которой пролетаріатъ сплачивается въ единую и однородную силу и вырабатываетъ свое особое пролетарское пониманіе всего общественнаго порядка и свои особыя задачи и цѣли.

Сначала рабочіе борются разрозненно, каждый за себя, не довѣряя другъ другу, опасаясь каждый соперничества другого. Они идутъ вразбродъ и облег-

чаютъ только возможность своимъ врагамъ побѣждатъ ихъ и закабалять капиталу. Но, мало-по-малу, одинаковыя условія труда и жизни затираютъ въ рабочихъ ихъ прежнія понятія, создаютъ въ нихъ одинаковый взглядъ на вещи, а тѣмъ самымъ позволяютъ имъ понять общность ихъ интересовъ и задачъ. Рабочіе начинаютъ объединяться. Они объединяются сначала по цехамъ, по профессіямъ, недовѣрчиво, а то и враждебно посматривая на своихъ товарищей изъ другихъ цеховъ, объединяются ради борьбы за свои мѣстныя цеховыя нужды. Но въ этой борьбѣ рабочіе невольно вынуждены переходить отъ требованій своего цеха къ требованіямъ, касающимся всей фабрики или завода; съ другой стороны, имъ невольно приходится переходить отъ своихъ мѣстныхъ требованій къ требованіямъ, касающимся даннаго цеха во всемъ округѣ или во всей странѣ. Такъ, напримѣръ, ткачи какой-нибудь фабрики, добиваясь сокращенія рабочаго дня, вынуждены вовлечь въ эту борьбу и прядильщиковъ, такъ какъ работы обоихъ цеховъ тѣсно связаны, и только общими усиліями можно добиться исполненія этого требованія. Или, напримѣръ, тѣ же ткачи на какой-нибудь фабрикѣ въ Москвѣ могутъ успѣшно бороться за увеличеніе заработной платы только тогда, когда столкуются съ другими московскими ткацкими рабочими, такъ какъ одному фабриканту трудно повысить расцѣнки, пока не будутъ вынуждены повысить ихъ и другіе фабриканты.

Чѣмъ чаще приходится сталкиваться между собою рабочимъ различныхъ цеховъ, различныхъ фабрикъ, различныхъ районовъ, тѣмъ лучше начинаютъ понимать рабочіе общность ихъ интересовъ, тѣмъ яснѣе становится въ нихъ сознаніе, что всѣ они принадлежатъ къ одному великому классу. Сталкиваясь между собою, рабочіе разныхъ профессій поневолѣ вынуждены оставлять въ сторонѣ свои частныя и мѣстныя нужды и вмѣсто этого выдвигать нужды, общія всѣмъ рабочимъ. Этому объединенію способствуетъ и самое

развитіе промышленности. Благодаря усовершенствованію путей сообщенія, особенно желѣзныхъ дорогъ, десятки тысячъ рабочихъ ежегодно передвигаются изъ одной мѣстности Россіи въ другую, сближая такимъ образомъ массы рабочихъ, разбросанныхъ на огромномъ разстояніи. Далѣе. Развитіе промышленности создаетъ совершенно новые промышленные города и села, привлекая туда рабочихъ со всѣхъ концовъ страны и, опять-таки, сближая этимъ путемъ ихъ между собою. Наконецъ, не малую услугу дѣлу объединенія рабочаго класса оказываютъ и гоненія фабрикантами сознательныхъ рабочихъ. Преслѣдуя самыхъ развитыхъ и сознательныхъ рабочихъ, капиталисты вынуждаютъ ихъ переѣзжать въ другія мѣстности, перенося туда свое развитіе и свою сознательность. Съ другой стороны, сближеніе рабочихъ облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что развитіе машиннаго производства все болѣе и болѣе сокращаетъ необходимость въ спеціальной выучкѣ рабочаго. Благодаря этому, масса рабочихъ въ поискахъ за заработкомъ вынуждена переходить отъ одной спеціальности къ другой, и, такимъ образомъ, въ значительной мѣрѣ, стираются тѣ грани обособленности, которыя такъ легко создаются при дѣленіи рабочихъ на профессіи.

Итакъ, мы видимъ, что само хозяйственное развитіе страны, основныя нужды промышленности вырываютъ изъ разныхъ слоевъ общества людей, утратившихъ возможность вести свое хозяйство, перевариваютъ ихъ въ одномъ фабричномъ котлѣ, срываютъ съ нихъ ихъ старую шкуру и превращаютъ ихъ въ совершенно новый разрядъ людей—продавцевъ своей рабочей силы,—пролетаріевъ. Объединенные совмѣстной работой, общими тяжелыми условіями жизни, общей нуждой и эксплуатаціей, рабочіе вынуждены бороться за лучшія условія существованія, и въ этой борьбѣ они сближаются, постепенно объединяются и превращаются въ однородный классъ, осѣненный единою мыслью и единою цѣлью.

Развитіе рабочаго класса идетъ двумя путями. Рабочіе отдѣльныхъ предпріятій или отдѣльныхъ цеховъ борются со своими хозяевами. Часто приходится бороться съ ними за сокращеніе рабочаго дня, за повышеніе заработной платы, за лучшія условія труда, за человѣческое обращеніе. Не бороться за это они не могутъ. Рабочій, который весь день занятъ тяжелой работой и ночью либо въ праздникъ еле успѣваетъ отдохнуть и выспаться, обреченъ всю жизнь вести существованіе рабочей скотины, если не отвоюетъ себѣ лучшихъ условій труда. Поэтому первымъ шагомъ къ освобожденію рабочаго класса является завоеваніе права на отдыхъ, права на досугъ. Досугъ—это значитъ возможность думать, читать, развиваться. Досугъ—это возможность сблизиться съ товарищами внѣ работы, организоваться, участвовать въ общественной жизни. Англійскіе рабочіе въ своей борьбѣ выставляютъ требованіе трехъ восьмерокъ: восемь часовъ труда, восемь часовъ сна и восемь часовъ досуга для самообразованія.

Но бороться за улучшеніе своего положенія рабочіе могутъ только сообща. Единичнаго рабочаго за всякое недовольство просто-на-просто разсчитаютъ. А цѣлую фабрику не такъ просто разсчитать. Ну, а цѣлый цехъ, гдѣ участвуетъ нѣсколько десятковъ, а то и сотенъ тысячъ рабочихъ, и вовсе не разсчитаешь. Рабочимъ приходится, слѣдовательно, *организоваться*, т. е. устраивать свои *рабочіе союзы*. Союзы эти ставятъ своей задачей освобожденіе рабочаго класса и борются за лучшія условія труда на фабрикѣ и за защиту труда со стороны государства. А такъ какъ въ разныхъ отрасляхъ труда (цехахъ) условія работы разныя, то рабочимъ необходимо объединиться по цехамъ, т. е. въ *цеховые* или, какъ еще говорятъ, въ *профессіональные союзы*. Такъ, напримѣръ, плотники, слесаря, кожевники, ткачи и другіе устраиваютъ свои союзы, въ которые входятъ всѣ рабочіе даннаго цеха въ данномъ городѣ (мѣстный профессіональный союзъ);

эти союзы объединяются по областямъ въ областные профессіональные союзы и, наконецъ, по всей странѣ— въ общерусскій профессіональный союзъ. Мало того, различные профессіональные союзы входятъ между собой въ соглашеніе для совмѣстной защиты требованій, общихъ рабочимъ разныхъ профессій. Основываются союзы профессіональныхъ союзовъ, мѣстные, областные и, наконецъ, могучій всероссійскій союзъ профессіональныхъ союзовъ, куда входятъ всѣ рабочіе союзы, весь рабочій классъ. Конечно, создать такую организацію очень не легко, для этого нужно положить много трудовъ; нужно убѣдить самихъ же рабочихъ въ выгодѣ для нихъ такого объединенія. Однако, развитіе рабочаго класса само толкаетъ къ такой организаціи и заставляетъ примиряться съ ней даже самыхъ отсталыхъ рабочихъ.

Но одной профессіональной организаціей не можетъ ограничиться борьба рабочаго класса. Пока борются отдѣльные цехи противъ отдѣльныхъ предпринимателей, профессіональные союзы достаточны. Но когда весь классъ рабочихъ выступаетъ противъ класса капиталистовъ, борьба становится уже политической, ибо когда пролетаріатъ выступаетъ, какъ классъ, онъ оставляетъ въ сторонѣ всѣ частныя, мелкія требованія и выдвигаетъ требованія, общія всему классу. А эти требованія въ концѣ концовъ приводятъ къ необходимости основного переустройства всего общественнаго порядка на новыхъ, болѣе справедливыхъ, началахъ. Интересы рабочаго класса требуютъ освобожденія его отъ эксплуатаціи капиталомъ, уничтоженія власти капитала надъ пролетаріатомъ. По мѣрѣ того, какъ рабочій классъ приходитъ къ самосознанію, онъ начинаетъ понимать ту великую общественную несправедливость, которая вырвала у него, настоящаго производителя всѣхъ благъ и кормильца общества, всѣ орудія производства и отдала ихъ классу буржуазіи, ничего не производящему, кормящемуся трудами рукъ пролетаріата. Онъ начинаетъ

понимать и ту великую истину, что сознательный пролетаріатъ является дѣйствительнымъ хозяиномъ всего производства, что ему не нужны никакіе другіе хозяева, что онъ уже выросъ изъ дѣтскаго платья, что онъ уже самъ можетъ взять въ свои руки все хозяйство страны. Самосознаніе пролетаріата, какъ класса, есть сознаніе соціалистическое, сознаніе необходимости и своевременности передачи всѣхъ средствъ производства въ руки общества, т. е. въ руки самихъ производителей. А достиженіе этой цѣли возможно лишь посредствомъ политической борьбы, которая передастъ всю власть въ государствѣ въ руки производителей, т. е. всего общества, освобожденнаго отъ классового господства и гнета. И только сознательный, борющійся за свои историческія задачи пролетаріатъ является истиннымъ «рабочимъ классомъ», единой сплоченной организацией, способной и готовой исполнить свою міровую задачу.

Такъ зарождается, развивается и растетъ рабочій классъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на еженедѣльный, иллюстрированный, научный и литературный журналъ

„Библіотека нашихъ читателей“.

С.-Петербургъ, Литейный, 60, кв. 9.

Въ журналѣ имѣются слѣдующія отдѣлы: 1) Статьи по вопросамъ научнаго соціализма; 2) Очерки борьбы и жизни россійскаго и западно-европейскаго пролетаріата и крестьянства; 3) Портреты и біографіи выдающихся политическихъ дѣятелей; 4) Статьи по вопросамъ текущей политики; 5) Беллетристика (разсказы, стихотворенія и т. п.); 6) Литературныя бесѣды; 7) Очерки изъ общественной жизни страны; 8) Очерки провинціальной жизни; 9) Очерки профессіональнаго движенія; 10) Изъ жизни политическихъ партій; 11) Библіографія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки въ Петербургѣ на годъ	1 р. — к.	Съ перес. въ провинц. и загран. на годъ	2 р. — к.
Съ доставкой въ Петербургѣ на годъ	1 „ 50 „	Съ перес. въ провинц. и загран. на полгода	1 „ — „

Подписную плату можно высылать почтовыми марками.

Объявленія за строку петита: на второй страницѣ обложки—75 к.; позади текста, а также на третьей и четвертой стр. обложки—50 к., банковыя и акціонерныя предпріятія—35 к.; предложеніе труда—5 к. Годовыя и многоразовыя объявленія—по соглашенію.

Редакція и контора открыты ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 1 ч. до 4 часовъ дня.

Редакторъ-издательница **В. Арнольдъ.**

Книгоиздательство „НАША МЫСЛЬ“.

Поступили въ продажу картины:

1) Портретъ Фридриха Энгельса. Цѣна 5 коп.
2) «Бездомные» (снято съ натуры рано утромъ въ г Неаполѣ). Цѣна 5 коп.
3) Камиль Демуленъ въ Палэ-Рояли. Цѣна 5 коп.
4) Митингъ во время стачки. Цѣна 5 коп.
5) Фердинандъ Лассаль (портретъ). Цѣна 5 коп.
6) Генеральные штаты во Франціи. Цѣна 5 коп.

Предполагается къ выпуску большая серія картинъ и портретовъ.

Картины и портреты въ форматъ большого почтоваго листа.

Выписывающіе изъ склада на *одинъ рубль* за пересылку не платятъ.

Деньги можно высылать почтовыми марками.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

